Глава 2

Логика и природа экономического кризиса в СССР

Посткоммунистическая трансформация вообще и посткоммунистическая трансформация России в особенности неразрывно связана с прохождением страны через глубокий экономический кризис. И хотя дискуссии о природе этого кризиса до сих пор являются чрезмерно политизированными, практически всеобщим является признание того факта, что радикальные реформы за рамками собственно социалистической (коммунистической) эпохи начались уже в условиях глубокого экономического кризиса.

2.1 Реформы позднего социализма

Попытки реформирования советской системы, предпринятые после прихода к руководству страной М. Горбачева в 1985 году, несомненно связаны с началом экономического кризиса в СССР. Если отвлечься от частностей и от политических обвинений (в предательстве социализма или отечества), в литературе последнего десятилетия можно найти несколько вариантов ответа на вопрос о причинах провала горбачевских экономических реформ и начала экономического кризиса в СССР. Причем рассматриваемые ниже позиции характерны как для зарубежных, так и для российских исследователей.

Во-первых, подход, характерный еще для “hard-liners” в советологии, в соответствии с которым идеи “улучшенного”, или рыночного, социализма являются полностью надуманными и нереалистичными. Единственной эффективной экономикой считается «нормальная», капиталистическая рыночная экономика, а потому реформы, направленные на улучшение, модернизацию социализма советского типа, обречены на провал. Наиболее последовательно эти идеи высказывались старшим поколением экономистов, анализировавших советскую экономическую

систему[45]. Этому подходу близка и позиция Ф.Хансона, которая является менее идеологизированной и более аналитической, акцентирующей внимание на собственно экономических противоречиях советского социализма и на необходимости при его реформировании быть готовым ответить на ряд принципиальных (прежде всего институциональных) вопросов функционирования экономики. Однако их решение означало бы на практике выход за рамки собственно социалистической экономики в советском ее понимании — сколь бы широко эти рамки не растягивались идеологами и теоретиками "совершенствования хозяйственного механизма"[46].

Во-вторых, значительная часть специалистов — "классиков послесталинской советологии" утверждала, что реформирование советской экономики является делом исключительно сложным и противоречивым, в процессе осуществления этих реформ приходится решать ряд задач, отчасти противоречащих друг другу, и потому в процессе реформирования неизбежно возникают трудности и временные ухудшения ситуации. Для успешного осуществления такого рода преобразований необходимы выдержка и постепенность[47]. Неготовность к этому (народа и/или политической элиты) вызывает лишь обострение кризиса и политической борьбы.

---

[45] Первый специальный анализ такого рода содержался в работах Б. Бруцкуса, а в следующем поколении экономистов соответствующая система аргументов была подробно развита А. Бергсоном. См.: Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. N 1, 2, 3; Bergson A. Essays in Normative Economics, Harvard University Press, 1966; Bergson A. Market Socialism Revisited // Journal of Political Economy, Vol. 75 (1967, Octobre). P. 663-675.

[46] Hanson Ph. From Stagnation to Catastroika: Commentaries on the Soviet Economy, 1983-1991. New York: Praeger, 1992. Впрочем, работы Ф.Хансона всегда сильно отличались от "советологического мейнстрима", занимая более правые и более ориентированные на анализ экономических проблем позиции, чем это было принято среди советологов.

[47] "To change everything at once is impossible, but partial change creates contradictions and inconsistencies", — писал тогда A.Nove. (Pravda International. 12. 1887: 7, p. 36. См. также: Hosking G. The Awakening of the Soviet Union. London: Hienemann, 1990. P. 133-134).

В-третьих, подход, акцентирующий внимание на ошибках М.Горбачева и его коллег, в результате которых итоги перестройки оказались значительно хуже, чем можно было ожидать[48]. Этот подход стал особенно популярен, естественно, уже после распада СССР и ухода в отставку М.Горбачева. Большинство советских и постсоветских интерпретаций, содержащихся в аналитических работах и мемуарах активных участников событий 1985-1991 годов, в основном повторяют аналогичную систему аргументов.

Наконец, в-четвертых, ряд авторов рассматривает начавшийся кризис как результат неудачной попытки советского руководства осуществить переход на более высокую ступень технологической системы, адаптировать социалистическую социально-экономическую систему к потребностям постиндустриальной эпохи[49]. Экономика не была способна адаптироваться к новым вызовам времени (прежде всего к новым технологиям), тогда как государственная власть в последний раз попыталась использовать свой уходящий корнями в индустриальную эпоху мобилизационный потенциал для прорыва за рамки индустриализма.

Все эти объяснения справедливы. И реформы были исключительно сложны, и ошибок было сделано немало. И сами идеалы “рыночного социализма” в конце 20 столетия были уже более чем призрачны. Однако призрачность цели не объясняет быстроту развала. И сложность проблемы не дает полного объяснения многочисленности ошибок. Слишком устойчив был “старый режим”, чтобы быстро развалиться из-за одной только некомпетентности его новых руководителей. Представляется, что эта проблема также нуждается в более подробном анализе включающем понимание логики и характера действий М.Горбачева, особенностей экономической ситуации и экономической науки первой половины 80-х годов, а также и специфических политических реалий Советского Союза рассматриваемого периода.

---

[48] Goldman M.I. What Went Wrong with Perestroika. New York — London: W.W.Norton and Co, 1991. Впрочем, подобные взгляды в значительной мере были направлены на оправдание ошибочных прогнозов “классической советологии”, которые стали для всех очевидны к концу 1991 года.

[49] Rosser J.B., Rosser M.V. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism // Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. N 2.

2.2 Идеология и программа реформ

К середине 80-х годов в СССР сформировалось ясное понимание необходимости проведения определенных реформаторских преобразований[50]. Об экономических реформах было принято говорить официально, соответствующие задачи обсуждались в партийных документах разного уровня. Но явно вставала на повестку дня и политическая реформа (хотя о ней и не говорили открыто), аргументы в пользу которой усиливались с каждыми очередными похоронами высшего советского руководителя.

Открытым оставался вопрос о выборе модели этого реформирования. На этом пути находилось две развилки: одна идеологическая, а другая — программная. Соответственно, руководители Советского Союза должны были ответить — по крайней мере для себя — на два вопроса принципиального характера.

Идеологическая альтернатива была достаточно очевидна. “Реальный социализм” знал две базовых системы организации экономической и политической жизни — мобилизационный (военно-коммунистический или схожий с ним политический порядок времен ускоренной индустриализации) и либеральный. Последний предполагал ту или иную форму децентрализации и внедрения по крайней мере некоторых рыночных элементов в экономику страны. Выбор в рамках этой альтернативы носил, по нашему мнению, не программный, а именно идеологический характер и имел в своей основе не только и не столько логику развития коммунистической системы как таковой, но общемировые тенденции развития общественных отношений и социальных наук.

Становление постиндустриального общества сопровождалось усилением интеллектуальной роли либеральной идеологии, которая проникала

---

[50] Практически все западные исследователи советского общества связывали с именем М.Горбачева перспективы осуществления в СССР определенных реформ. При всем критическом отношении к “кремленологии”, ряд западных исследователей указывали на это вполне определенно еще в начале 80-х годов. Однако характер реформ оставался весьма туманным, а судьба представлялась печальной (Bialer S., Thane G., eds. Russia at the Crossroads: The 26th Congress of the CPSU. London: George Allen & Unwin, 1982; McAuley M., ed. The Soviet Union After Brezhnev. London: Heinemann Educational Books, 1983; Colton T. The Dilemmas of Reform in the Soviet Union. N.Y.: Council for Foreign Relations, 1986).

во все сферы общественного анализа (и прежде всего в политологию и экономическую теорию), оказывая непосредственное влияние на решения и действия политиков. По мере усиления либеральных начал в деятельности правительств ряда наиболее развитых стран мира и, соответственно, по мере увеличения их отрыва от социально-экономического уровня развития большинства других государств (включая "социалистический лагерь") притягательность либеральных рыночных доктрин становилась все более очевидной. Несмотря на острое противостояние апологетов "американской" и "шведской" (или "рейнско-европейской") моделей, нашедшее отражение в популярной книге М.Альбера под характерным названием "Капитализм против капитализма"[51], все же либерализм как идеология становился универсальным требованием эпохи, и столь же универсальным, сколь универсальными были идеи централизма и дирижизма в первой половине столетия[52].

В странах Восточного блока либерализм оказывался тем более универсальной идеологией, чем менее у общества было возможностей опробовать его на практике. Полузапрещенный характер либеральных взглядов лишь усиливал их привлекательность, а экономические успехи США, Великобритании и Чили рассматривались общественным мнением в СССР как результаты осуществления "либерального курса" Р.Рейгана, М.Тетчер и А.Пиночета. Критические оценки их деятельности нередко воспринимались как коммунистическая пропаганда и приносили лишь обратный эффект.

Вопрос о вероятности выбора иной модели трансформации всерьез никем не рассматривался, как не имеющий ни социальных, ни политических корней в послебрежневском Советском Союзе.

Однако либеральная идеология сама по себе не определяет программу реформ, она лишь создает для нее общую базу. Конкретная же программа в значительной мере зависит от политических условий данной страны, ее собственного теоретического и практического опыта, к ко-

---

[51] Albert M. Capitalism contre capitalism, P.: Editions du Seuil, 1991.

[52] Появившаяся позднее книга Фрэнсиса Фукуямы "Конец истории" останется навсегда своеобразным интеллектуальным кредо этой эпохи. (См.: Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London: Penguin Books, 1992).

торому может быть добавлен опыт ряда других стран. И с точки зрения теоретической, и с позиций накопленного к этому времени практического опыта развития различных коммунистических стран таких моделей в принципе было две. С известной долей условности их можно подразделить на китайскую и чешско-венгерскую. В обоих случаях речь идет о трансформации в направлении большего "подключения" рыночных отношений, и в этом смысле можно говорить о трансформации в направлении "рыночного социализма". Однако на этом их сходство и завершается.

Первую модель отличают две принципиально важные особенности. Во-первых, ее задачей является формирование классической двухсекторной экономики, включающей государственный (как правило неэффективный, но "стратегически важный") и рыночный секторы. Во-вторых, необходимым условием выступает сохранение жесткого политического контроля со стороны правящей партии и тем самым сохранение в полном объеме тоталитарного государства коммунистического или националистического типа. Поэтому преобразования такого рода отличаются поэтапной, как правило начинающейся с сельского хозяйства и сектора услуг коммерциализацией народного хозяйства, четким разграничением частно-рыночного и государственного секторов, стремлением властей использовать элементы мобилизационного потенциала, в принципе характерного для авторитарной системы. Нежелание властей дополнять экономическую либерализацию политической делает для этой системы особенно актуальной и болезненной проблему "социалистического цикла".

"Чешско-венгерская" модель предполагала включение в рыночную систему всего народного хозяйства (безотносительно к формальному типу собственности), а также проведение политических реформ. Отчасти это объяснялось самой структурой развитой индустриальной экономической системы, в которой доля сельского хозяйства и, соответственно, его роль в осуществлении модернизации (тем более постиндустриальной модернизации) относительно невелика, а понятие сектора услуг радикальным образом отличается от доиндустриального и раннеиндустриального. Отчасти — социально-политической зрелостью восточноевропейских обществ, сохранением макроэкономической управляемости в условиях коммерциализации экономических отношений, что

не позволяет осуществлять здесь реформы без включения адекватных политических механизмов выработки и принятия решений на всех уровнях государственного управления. То, что реформы в Чехословакии и Венгрии в 60-е годы осуществлялись под руководством правящих коммунистических партий, вряд ли доказывает отсутствие связи политических и экономических преобразований, поскольку сохранение фактической однопартийности было лишь результатом политического вмешательства советского руководства.

При всем том, что Китай после начала реформ демонстрировал блестящие экономические результаты, а рыночный социализм "чешско-венгерского" образца существовал пока больше в теории, советское руководство явно склоннялось к выбору именно последней модели преобразований. И тому было несколько причин.

Во-первых, сама структура советской экономики к этому времени уже принципиально отличалась от китайской. По ряду социальных, экономических, да и демографических причин сельское хозяйство не могло стать двигателем экономических реформ в СССР, что, судя по всему, вполне сознавали высшие руководители страны. Даже Ю.Андропов, при его явной политической консервативности, склонности к использованию элементов партийно-мобилизационного механизма, в своих осторожных шагах в направлении экономической реформы больше опирался на восточноевропейский опыт, с которым он был довольно хорошо знаком.

Во-вторых, объективные экономические условия, сложившиеся в СССР, подталкивали именно к такому выбору. Позднее, уже на опыте нескольких десятков государств, С.Хантингтон сделал вывод о высокой вероятности начала демократических процессов в странах, достигших определенного уровня ВНП на душу населения. К середине 80-х годов СССР достиг нижней границы этого уровня, а многие восточно-европейские страны уже прочно вошли в "зону турбулентности"[53]. То есть либерализация рыночная с большой степенью вероятности должна была быть дополнена либерализацией политической.

---

[53] См.: Hantington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman — London: University of Oklahoma Press, 1991. P. 61-68. Этот уровень составляет примерно 5000-6000 долларов (в долларах 1990 года). Здесь также нельзя не от-

В-третьих, разрабатывавшиеся в СССР программы реформ в общем находились в русле “чехословацко-венгерской” идеологии. И в теоретическом плане, и при попытках практического осуществления экономических реформ в Советском Союзе (примерно с конца 50-х годов) основное внимание уделялось вопросам реорганизации социалистических предприятий и всей системы управления народным хозяйством. Именно этот комплекс идей был наиболее разработан в отечественной экономической науке. И именно он в конечном итоге предопределил логику действий Горбачева как реформатора.

Итак, к середине 80-х годов Советский Союз подошел с определенной программой реформ. Эта программа не представляла собой некоторого целостного документа, но ее элементы были достаточно четко прописаны как в многочисленных записках в “директивные органы” (как называли тогда ЦК КПСС и Правительство), так и в ряде открытых публикаций, в основном экономического характера[54].

Экономическая программа была разработана довольно подробно. На протяжении 60-70-х годов лучшие советские экономисты работали над комплексом проблем “совершенствования хозяйственного механизма”, что составило особый и наиболее динамично развивавшийся раздел отечественной политэкономии. Логика этой концепции опиралась на достаточно очевидный тезис о невозможности решения всех социаль-

---

метить, что рыночные реформы в Китае начались при душевом ВНП, примерно соответствующем уровню России 20-х годов нынешнего столетия или Франции 20-х годов прошлого века. Делая поправку на специфику социально-политической ситуации, можно сказать, что реформы в Китае были во многом сродни нэповскому эксперименту в СССР — разумеется, сродни по задействованным социально-экономическим и политическим механизмам, а не по последствиям.

[54] Наиболее важными были закрытый доклад Т.Заславской, подготовленный в Новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства АН СССР в 1983 году и получивший скандальную известность благодаря публикации в США и Германии (см.: Washington Post. 1983, August 3); О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, 1997), а также подготовка Комплексной программы научно-технического прогресса, в работе над которой участвовали представители всех поколений реформаторов (Н.Федоренко, С.Шаталин, А.Анчишкин, Н.Петраков, А.Аганбегян, Е.Ясин, Е.Гайдар, Г.Явлинский и др.).

но-экономических проблем из ”единого центра” и поэтому исходила из необходимости стимулирования экономических агентов развивать производство и обновлять продукцию. Предполагалось, что этого можно добиться путем расширения самостоятельности предприятий в принятии решений относительно развития производства и оплаты труда при сохранении ряда фундаментальных основ советской экономической системы[55].

Важнейшими отличительными особенностями программы “совершенствования хозяйственного механизма”, как она сформировалась к середине 80-х годов, были следующие. Во-первых, она являлась прежде всего и по преимуществу микроэкономической, то есть предлагала меры по активизации деятельности предприятий и работников. Общая макроэкономическая сбалансированность, своеобразная инерционная устойчивость советской экономики рассматривалась как данность, независимая от микроэкономических и институциональных факторов. Иными словами, имплицитно подразумевалось наличие Госплана и других директивных органов, административно обеспечивающих эту сбалансированность, от которых никто не собирался отступать.

Во-вторых, программа полностью обходила молчанием вопрос о реформе собственности. Возможность заниматься проблемами хозяйственного механизма с самого начала была фактически обусловлена строжайшим табу на анализ проблем собственности, оставленным в удел ортодоксальной “политической экономии социализма”. Максимум, на что решались некоторые исследователи, так это на постановку вопроса о допустимости при социализме реальной кооперативной собственности, да и то подобные новации были опасны для карьеры[56]. И одновременно нерешенность проблем собственности оставляла авторам программ своеобразное окно надежды — аргумент “мудрого цен-

---

[55] Более подробно см.: Sutela P. Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Mau V. The Political History of Economic Reform in Russia. London: CRCE, 1996. P. 17-32;

[56] См.: Ципко А.С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М.: Наука, 1983. Эта книга вызвала широкий общественный резонанс и подверглась настоящей травле со стороны партийной и научной ортодоксии. (См.: На заседании Научного совета МГУ по системе экономических законов и категорий политической экономии // Вестник Московского университета: Серия Экономика. 1984. N 4).

тра”, который, как deus ex machina, будет вмешиваться и подправлять рыночные процессы, когда они будут давать сбои. Все это закрывало возможность для сколько-нибудь серьезного обсуждения реальных институциональных проблем реформ, а также уводило от принципиального вопроса о наличии в этой системе экономического агента, способного, в случае ослабления централизованного диктата, брать на себя решение инвестиционных задач. Доминирование задач текущего потребления над инвестированием должно было стать одной из первых проблем в случае начала практического осуществления этой программы.

В-третьих, оставался открытым вопрос о судьбе государственного ценообразования. Максимум, о чем заходила речь, была проблема оптимизации ценовых пропорций для преодоления товарного дефицита. Ряд влиятельных экономистов-реформаторов доказывали тезис о принципиальной возможности обеспечить при социализме формирование системы сбалансированных цен, которые бы рассчитывались и постоянно корректировались в соответствии с математическими моделями, описывающими оптимальный режим функционирования советской экономики и формирующими "оптимальный народнохозяйственный план".

Эта программа имела два принципиальных недостатка. С одной стороны, она была разработана в духе “конвергенции” всего лучшего, присущего двум системам, а потому по существу своему не могла быть последовательной и внутренне непротиворечивой. С другой стороны, при всей внешней конкретности и практичности, она была достаточно умозрительной и не имела апробации в реальной жизни. Все это в известной мере снимало проблему практической осуществимости реформ в комплексе[57].

Именно эти идеи были взяты на вооружение М.Горбачевым при осмыслении им задач обновления советского социализма. То была наиболее подробно проработанная и, как тогда казалось, внутренне непротиворечивая и максимально учитывающая советские реалии кон-

[57] Здесь следует отметить, что названные особенности программы экономических реформ середины 80-х годов имеют более универсальное значение, будучи принципиальными характеристиками любой предреволюционной программы действий.

цепция. Она уходила корнями в хрущевскую оттепель и реформаторские надежды начала 60-х. И, наконец, она соответствовала личному опыту нового руководителя КПСС, приобретенному при попытках проведения экономических реформ локального характера, когда он стоял во главе Ставропольского края[58].

---

[58] См.: Murarka Dev. Gorbachev: The Limits of Power. London: Hutchinson, 1988. P.54-56; Gagnon V.P. Gorbachev and Collective Contract Brigade // Soviet Studies. 1987. N 1.

Последнее нуждается в некотором пояснении. Практическая вовлеченность М.Горбачева в поиск новых форм организации труда и стимулирования в хозяйствах края подвела его к ряду выводов относительно перспектив и тупиков решения экономических проблем СССР, весьма близких к выводам концепции совершенствования хозяйственного механизма. Опыт внедрения бригадного подряда и “полного хозрасчета” на уровне производственных единиц приводил, по его собственным словам, к резкому всплеску производительности труда и, соответственно, заработков. Одновременно ему пришлось столкнуться и с откровенным сопротивлением со стороны центральных ведомств, представители которых всячески стремились ограничивать возможности получения членами бригад заработанных ими средств, не говоря уже об их плохо скрываемом стремлении прикрыть подобного рода эксперименты. Не смог он преодолеть такого отношения к экономическим экспериментам, даже находясь в составе политбюро ЦК КПСС.

М.Горбачев был склонен приписывать такую позицию бюрократизму чиновников центрального аппарата, дополняемому их опасениями потерять часть своей власти в случае расширения самостоятельности хозяйственных звеньев. Теперь очевидно, что будущий генеральный секретарь явно недооценивал аргументы макроэкономического характера, которые имплицитно наличествовали в позиции “московских бюрократов”. Последние явно опасались, что эксперименты с бригадным подрядом могут привести к опасному разбалансированию важнейших макроэкономических пропорций, стабильность которых и так поддерживалась центральными органами с огромным напряжением и которые все равно постепенно ухудшались, что находило наиболее отчетливое проявление в росте товарного дефицита. Однако, как мы уже замечали, в логике совершенствования хозяйственного механизма макроэкономические проблемы были константой. И если такой позиции придерживались профессиональные экономисты, то тем более она была естественна для практического политика, имевшего возможность видеть успехи передовых экономических идей непосредственно на производстве.

2.3 Совершенствование хозяйственного механизма как практическая задача

Причина, по которой М.Горбачев после прихода к власти немедленно провозгласил курс на обновление сложившейся системы отношений, не столь уж важна. Здесь, очевидно, переплелись и общее осознание того, что реформы необходимы и назрели, и политические расчеты самого генерального секретаря, явно стремившегося таким путем укрепить свое положение в коридорах власти, и надвигающийся экономический кризис, признаки которого обозначились в снижении темпов роста советской экономики, в напряженности бюджета из-за ухудшения конъюнктуры мирового рынка топливно-энергетических ресурсов.

Горбачевские попытки реформирования советской системы не базировались на осознании факта начала экономического или тем более системного кризиса. Приближение кризиса более или менее осознавала (да и то не до конца) лишь узкая группа специалистов, в основном экономистов. Но кризис не стал фактором повседневной жизни, не определял настроения ни элиты, ни тем более общества, не детерминировал процесс формирования экономической политики. Это и предопределило весьма своеобразный характер первого этапа горбачевских реформ.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что первые шаги М. Горбачева в направлении ускорения советской экономики находились в логике “мобилизационного подхода” к решению возникающих проблем. Главными его компонентами были новое издание индустриализации (усиление внимания к развитию машиностроительного комплекса) и связанное с этим ускорение темпов развития СССР, а также “культурная революция”, включавшая две независимых, но весьма “громких” по общественному звучанию компоненты — новый стиль политического руководства и антиалкогольную кампанию. Одновременно намечался ряд организационных мер по изменению системы органов управления народным хозяйством (создание одних ведомств и ликвидация других). Кроме того, хотя и не провозглашенной открыто, но вполне естественной для мобилизационного подхода стала и “кадровая революция” — комплекс решительных мер по обновлению и омоложению кадров.

Социальный механизм развертывания кризиса позднего социализма был достаточно прост, если принять во внимание революционный характер последующих событий. Заявив на 27 съезде КПСС о том, что частичными реорганизациями экономику не поправить и что стране нужна комплексная экономическая реформа, М.Горбачев не имел особенно широкого выбора программ этой реформы. К этому времени в СССР уже имелась достаточно подробно проработанная программа экономических преобразований, опиравшаяся на опыт хозяйственной реформы 1965 года и многочисленные дискуссии среди советских экономистов последующих двух десятилетий. Это была программа осторожных рыночных преобразований, так или иначе описываемых термином “рыночный социализм”, хотя на использование его и было наложено строжайшее табу. Неоднократно звучавшая критика этой программы за ее ограниченность и непоследовательность не может отменить однако того факта, что это была ***единственная*** на тот момент программа, на которую могло опереться новое советское руководство, взявшее курс на реформы.

Другой отличительной чертой формируемого экономического курса была относительная популярность нового руководства. Правительство гордилось своей популярностью, видело в ней важный источник своей политической силы и потому было в принципе неспособно на принятие назревших, но болезненных решений. В то же время оно было склонно преувеличивать свои силы и возможности, пытаясь то совмещать экономически несовместимое, то объявлять о готовности решения сложнейших социальных проблем за считанные месяцы, причем без реального учета социально-экономической цены. Примером первого могут служить обещания поднять благосостояние населения при одновременном проведении структурного маневра, призванного увеличить долю накопления в национальном доходе сразу на 3 процентных пункта. Примером второго является антиалкогольная кампания, сразу и в значительной мере дестабилизировавшая и потребительский рынок, и государственный бюджет.

Основными компонентами принятой концепции комплексной экономической реформы были: расширение самостоятельности социалистических предприятий (перевод их на полный хозрасчет, самофинансирование и частичное самоуправление), развитие индивидуальной и

кооперативной форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме совместных предприятий[59]. Противоречия этой программы достаточно подробно описаны в российской и зарубежной экономической литературе[60], и мы вряд ли должны останавливаться на них более подробно. Обратим внимание лишь на некоторые моменты, особенно существенные в логике нашего анализа.

Прежде всего, обнаружилась микроэкономическая ограниченность осуществляемой программы, поскольку расширение прав предприятий сразу же привело к усилению потребительской направленности их деятельности в ущерб инвестиционной. Тем более что ослабление централизованного контроля, само по себе опасное с точки зрения макроэкономической сбалансированности, сопровождалось еще и комплексом мер по повышению роли трудовых коллективов в ущерб полномочиям директоров. Введение выборности директорского корпуса отражало типичный способ мышления "раннего революционного правительства", стремящегося задействовать новые, нестандартные рычаги быстрого улучшения социально-экономической ситуации, что на деле имело негативные последствия[61]. Причем эта мера имела даже двойной негативный эффект — как экономический, так и социальный. С одной стороны, она способствовала углублению экономического кризиса, поскольку расширение самостоятельности предприятий не было подкреплено комплексом мер по усилению их ответственности за результаты своей деятельности. С другой стороны, указанная мера подрывала ставшее к середине 80-х годов вполне явным положение директора как

---

[59] См.: О коренной перестройке управления экономикой: Сборник документов. М.: Политиздат, 1987.

[60] См., например: Joyce Walter, H.Ticktin, S.White (eds). Gorbachev and Gorbachevism. London: Frank Cass, 1989; Goldman M.I. What Went Wrong with Perestroika. New York — London: W.W.Norton and Co, 1991; Boettke P.J. Why Perestroika Failed. London — New York: Routledge, 1993.

[61] Нечто схожее, как известно, попытались сделать большевики сразу после своего прихода к власти. Однако они смогли очень быстро отказаться от такой практики — как только стала очевидной ее экономическая и политическая ущербность. Но им удалось осуществить это, поскольку действовали уже в условиях радикальной фазы революции, больше считаясь не с популярностью, а с текущей политической целесообразностью. (См. подробнее: May B. Реформы и догмы. М.: Дело, 1993).

фактического собственника предприятия, обостряя стандартную для всякой революции проблему приведения в соответствие формального и реального статуса собственника.

В результате сложилась во многом парадоксальная ситуация, когда директора предприятий практически освободились от контроля со стороны государственной бюрократии (в определенной мере выполнявшей по отношению к ним функции собственника), но не попали под контроль ни реального собственника, ни рынка (последнее при сохранении товарного дефицита было практически нереально). Искушение популистского и/или криминального поведения в этой ситуации оказывалось исключительно сильным. К первому побуждала непривычная зависимость от трудовых коллективов, которые были заинтересованы в быстром росте зарплаты и фондов потребления, причем поначалу реальная степень зависимость от коллектива была еще недостаточно ясна. Ко второму подталкивали открывшиеся возможности частнопредпринимательской активности, причем отдельные решения властей (см. ниже) как будто специально создавали благоприятную среду для использования возможностей предприятия в интересах узкой группы его высшего руководства. Вопрос же о реформе отношений собственности на протяжении длительно периода времени (примерно до 1990 года) даже не поднимался[62].

Половинчатость действий в области реформирования традиционных секторов и форм собственности сочеталась с готовностью правительства делать чересчур решительные и недостаточно продуманные шаги в новых областях экономической деятельности. Так, оправданная готовность признать в кооперативе реальное частное предприятие не привела к формированию адекватных правовых форм, препятствую-

[62] Еще более интересно, что фактически такой же позиции индифферентного отношения к трансформации отношений собственности придерживалось и подавляющее большинство западных советологов. По-видимому, они тоже были “загипнотизированы” — сперва принципиальной невозможностью приватизации в СССР, а потом и собственной внутренней логикой программы советских реформаторов, которая внешне оказывалась вполне целостной и без трансформации отношений собственности. Среди единичных случаев понимания этой проблемы на Западе можно выделить публикации Ф.Хансона. (См.: Hanson Ph. Economics, Sovetology and Mr Gorbachev’s Agenda. Birmingham: The University of Birmingham, 1988).

щих возможности явно криминального сотрудничества кооперативов и госпредприятий “на полном хозрасчете”. Более того, соответствующие инструкции, написанные в традиционной советской системе ценностей, даже побуждали создавать “кооперативы” при государственных предприятиях. Позднее аналогичная ситуация возникла с коммерческими банками, условия для возникновения которых оказались в СССР несопоставимо более легкими, чем в странах с развитой рыночной экономикой. Отчасти все это объясняется неопытностью правительства, но в еще большей мере — обстановкой постоянного давления времени и обстоятельств, когда власть должна была осуществлять только популярные меры и добиваться немедленных изменений к лучшему.

Первоначальные результаты этой политики были противоречивы. С одной стороны, удалось в последний раз задействовать мобилизационный потенциал, которым когда-то славилась советская система, — и объемные, валовые показатели стали несколько улучшаться. Но, с другой стороны, более внимательный анализ позволял увидеть, что положительная динамика объемных показателей чревата глубоким кризисом. Последнее видно прежде всего по данным о динамике валютных резервов СССР, косвенным отражением чего стало и быстрое снижения стоимости рубля, которое впервые за несколько десятилетий было признано официально — в виде решения о введении специального, “туристического” курса, в 10 раз ниже курса Госбанка. Другими индикаторами негативных сдвигов стало резкое усиление разрыва между ростом доходов населения и производством (особенно начиная с 1988 года), ухудшение торгового баланса и ситуации с внешним долгом СССР.

Подобное развитие событий не является чем-то принципиально новым в истории экономической политики. Так начинаются многие популистские эксперименты[63]. И для СССР было характерно схожее развитие

[63] Наиболее близкий по времени пример — Чили времен правительства “Народного Фронта” (1971-1973). Начиная свою мирную революцию, С.Альенде предпринял ряд шагов, непосредственным результатом которых стал рост потребления населения. Однако начавшееся одновременно с этим быстрое проедание валютных резервов и резкое ухудшение платежного баланса сигнализировали о приближающемся кризисе, который и разразился примерно через полтора года после начала популистского экс-

событий, получившее в литературе наименование “социалистического инвестиционного цикла”, имеющего следующие фазы: реализация инвестиционной программы — замедление темпов роста — либерализационные мероприятия — ускорение темпов роста — усиление макроэкономической несбалансированности — отказ от либеральных реформ и новая инвестиционная программа. Интересным здесь является другой вопрос: как развиваются события в том случае, если консервативного поворота (переворота) не происходит? Именно такая ситуация сложилась в СССР в конце 80-х годов.

Существует точка зрения, что, развивая демократические принципы, М. Горбачев еще в 1989 году имел возможность ужесточить экономический режим, осуществив ряд непопулярных мер, прежде всего ценового и фискального характера[64]. Между тем ситуация была существенно иной — развитие демократии в тот момент препятствовало проведению ответственной макроэкономической политики. Уже в первой половине 1989 года правительство попало под жесткий контроль избранного демократическим путем депутатского корпуса, в котором по понятным причинам доминировали популистские настроения[65].

Дело не в том, что М.Горбачев в силу присущего ему демократизма не хотел повернуть вспять демократические процессы. Он и его правительство просто не имели возможности сделать это, если намеревались остаться у власти. В стране уже начался революционный процесс, сопровождаемый ослаблением государственной власти. Правительство не только не хотело, но по мере развития ситуации вообще и демократических процедур в частности лишалось возможности принимать непопулярные, но экономически необходимые решения. К ним во второй половине 80-х годов относились прежде всего реформа ценообразова-

---

перимента. Последовавший затем военный переворот с макроэкономической точки зрения должен был решить задачу восстановления макроэкономического равновесия и на этой базе — экономического роста. (Хотя на самом деле эта задача была решена далеко не сразу). См. подробнее: Dornbusch R., Edwards S. (eds). The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1991.

[64] Kotz D., Weir F. Revolution from Above. London — New York: Routledge, 1997. P. 73-86.

[65] Подробнее см.: May В.А. Экономика и власть. М., Дело, 1986. С. 24-25, 91.

ния (или хотя бы пересмотр цен), налоговая реформа, а также своевременное и гласное начало приватизации.

Наиболее очевидной и наиболее болезненной была проблема цен. Вопрос резко обострялся в связи с быстро прогрессировавшим разрушением товарного рынка в результате неадекватного расширения прав предприятий и их коллективов. После продолжительных колебаний правительство решило действовать в соответствии с потребностями времени, то есть демократически. Премьер решил «посоветоваться с народом» относительно перспективы повышения цен и объявил об этом во всеуслышание как о готовящейся мере. В данном случае даже не столь важно, чего в этом шаге было больше: уверенности в наличии безграничного кредита доверия, в эффективности демократических процедур — или, напротив, неуверенности правительства, стремления любой ценой уйти от ответственности за непопулярные действия. Главное, что последовавшая за этим объявлением реакция была совершенно не такой, какую ожидало руководство страны: произошел резкий скачок спроса, и товарный дефицит из явления просто распространенного в считанные дни стал тотальным. А в добавление к этому правительство вдруг обнаружило, что от былой популярности его не осталось и следа. Ответ правительства был столь же понятен в терминах краткосрочной политики, как неадекватен стратегически и самоубийственен экономически: пересмотр цен был отложен, и стало ясно, что это правительство на него больше не решится.

2.4 Экономический кризис как кризис власти

Для развития социально-экономической ситуации в СССР на рубеже 80-90-х годов были характерны три важные особенности:

- постепенное углубление экономического кризиса;
- быстрая “структуризация” социально-политического пространства с оформлением разнообразных групп интересов;
- возникновение полицентризма политической власти при быстром нарастании конкуренции между различными властными институтами за контроль над развертыванием социально-политических процессов.

Все эти особенности взаимосвязаны. Углубление экономического кризиса ускоряет дезинтеграцию политического пространства, которая становится не просто специфической чертой, но и одним из основных факторов дальнейшего развития экономических процессов. А претендующий на представительство интересов всех и потому слабеющий центр шаг за шагом уступает свои полномочия возникающим или реформирующимся политическим структурам, которые демонстрируют готовность более точно отражать потребности тех или иных групп интересов.

В этой ситуации существенно трансформируется деятельность союзного правительства. Его политику отличают три основные характеристики. Во-первых, реактивность, то есть ограниченность действий лишь реакцией на возникающие текущие проблемы, кризисы и противоречия, оборотной стороной чего оказывается отсутствие стратегического подхода при оценке ситуации и принятии решений. Во-вторых, доминирующим мотивом при принятии решений является стремление удержать в своих руках власть, причем и в этом случае краткосрочные мотивы явно превалируют. В-третьих, политические решения принимаются слабым правительством, причем слабость его известна практически всем другим участникам политической борьбы, что объективно еще более укрепляет их позиции в противостоянии с официальной центральной властью (или в торге с ней).

Руководство СССР признало наличие экономического кризиса. Однако это не привело к ослаблению популизма его деятельности, хотя и изменило характер этого популизма. На протяжении 1986-1989 годов центральная власть, принимая явно популистские и опасные решения, все-таки была убеждена в их экономической и социальной эффективности, жизненной необходимости и оправданности. Тогда ее действия вытекали из достаточно ясной и в своей логике обоснованной программы. Теперь же неуклонно теряющее авторитет правительство стало принимать популистские решения, вполне осознавая их экономическую опасность. К тому же политические решения принимаются согласно логике противостояния другим органам власти без какой бы то ни было конструктивной антикризисной программы, не говоря уже о программе реформ.

Особенно ярко это проявлялось в противостоянии союзной и российской властей в 1990-1991 годах. Все решения как одной, так и другой были продиктованы политической логикой. Экономическая политика оказывалась не более, чем равнодействующей политического противостояния, а экономика становилась заложницей политической борьбы. Прежде всего это нашло отражение в потере контроля за государственным бюджетом. В специфических советских условиях рассматриваемого периода начинается “война за бюджет”: союзные республики отказываются перечислять налоги в федеральное казначейство и настаивают на переходе к одноканальной системе сбора налогов при усилении собственного контроля за расходами руководства СССР.

Еще более острой оказывается борьба за налоговую базу, то есть за подконтрольность предприятий союзному или республиканскому руководству. Стремясь заручиться поддержкой предприятий и при приближении дефицита бюджета к 10% ВНП, правительства СССР и России, как бы соревнуясь друг с другом, принимают ряд решений о снижении налогов для тех, кто будет находиться в их юрисдикции. Экономическая эффективность подобной деятельности оказывается нулевой, если не отрицательной, поступления в бюджет в реальном выражении неуклонно снижаются. Тем более, что предоставление предприятиям в ходе этой борьбы значительной свободы в установлении оптовых цен не сопровождается изменением розничных цен: с одной стороны, это значительно утяжеляет расходы бюджета, вынужденного субсидировать розничные цены, а с другой — оборачивается новым снижением налоговых поступлений, поскольку налог с оборота (один из основных источников госбюджета) является величиной, фиксированной в цене предприятия. А попытка выправить положение с федеральным бюджетом при помощи введения с 1991 года 5-процентного налога с продаж (привязанного уже не к оптовым, а к розничным ценам) проваливается буквально в первые месяцы, став лишь дополнительной демонстрацией исключительной слабости союзного центра[66].

---

[66] См. подробнее: Синельников С. Бюджетный кризис в России 1985-1995 годы. М.: «Евразия», 1995.

Аналогично развивается ситуация в сельском хозяйстве. Осенью 1990 года Совет Министров СССР в целях преодоления товарного дефицита принимает решение о повышении закупочных цен на продовольствие. . Однако оказалось, что оно только подрывало интерес сельхозпроизводителей к продаже своей продукции, так как для обслуживания текущего оборота и уплаты налогов теперь оказывалось возможным продать меньшее количество продуктов. Интересно, что аналогичное решение было принято Временным правительством России летом 1917 года. Судьба этого правительства хорошо известна.

Еще одной сферой противостояния центров власти была длительная дискуссия о том, кто возьмет на себя политическую ответственность за такую неизбежную меру, как повышение розничных цен (о сколько-нибудь серьезной либерализации цен говорить тогда не решались). Союзное правительство пыталось склонить руководителей союзных республик к принятию совместного решения, от чего последние, естественно, категорически отказывались. В конечном счете оно вынуждено было сделать это самостоятельно весной 1991 года, причем лишь после замены премьер-министра.

Параллельно в стране началась подлинная война программ осуществления экономических реформ (а затем — программ выхода из кризиса и реформ). Разные органы власти и связанные с влиятельными политиками группы экономистов активно занялись разработкой такого рода документов. Наиболее типичной для этого времени стала официальная программа союзного правительства, подготовленная под руководством Л.Абалкина. Ее авторы, признав наличие трех вариантов проведения антикризисных мероприятий и осуществления рыночных реформ (радикально-либерального, умеренного и консервативного), заявили о своей приверженности, естественно, второму пути. Умеренный вариант, отрицавший как быстрое вхождение в рынок через либерализацию и приватизацию, так и консервацию экономических отношений и усиление административных начал в управлении хозяйством, представлялся авторам наиболее разумным и оправданным. Этот путь избегал крайностей и, как и должно быть с “научно разработанными планами”, обещал наиболее плавное и наименее болезненное вступление в новое (в данном случае, рыночное) состояние общества. Этот план имел только один серьезный недостаток — в стране уже не было обще-

ственных сил (групп экономических интересов), готовых его поддерживать, а “правительство умеренных” практически исчерпало свой кредит доверия. Соответственно, сдвиг в сторону любого из альтернативных вариантов — не только консервативного, но и радикального — неизбежно должен был сопровождаться и сменой находящейся у власти команды.

Параллельно с программой Рыжкова—Абалкина в СССР формировались два принципиально различных подхода к преодолению кризиса. Их не следует отождествлять с какими-то конкретными, опубликованными и утвержденными документами, поскольку здесь речь идет прежде всего об обсуждавшихся в обществе концепциях, системах мер, которые можно и следует осуществить в первую очередь. Хотя некоторые из таких концепций были представлены и в “формально-программном” виде.

К началу 90-х годов практически сложился и был предложен политикам рыночно-либеральный вариант действий, основными компонентами которого были открытое признание необходимости приватизации собственности и в той или иной форме — либерализации цен. Наиболее четкое выражение эти позиции нашли в подготовленной под руководством С.Шаталина и Г.Явлинского программе “Пятьсот дней” (осень 1990 года) и программе рыночных реформ Е.Гайдара и его единомышленников (осень 1991 года).

Современное политическое противостояние двух последних политиков привело к утверждению в общественном сознании (и даже в среде экономистов) представления об альтернативном характере их программ, о том, что они предлагают противоположные пути стабилизации и вхождения в рынок. Между тем исходная разница между этими документами обусловливалась в основном лишь временем их написания. Программа “Пятьсот дней” разрабатывалась без особых надежд на немедленную практическую реализацию и рассматривалась скорее как политический манифест противостояния российских и союзных институтов власти, когда первые были склонны демонстрировать свой более “рыночно-демократический” характер. По этой же причине программе С.Шаталина — Г.Явлинского был присущ значительный элемент популизма и “всеохватности”, включая обещания провести реформы “без снижения жизненного уровня” и таким путем, чтобы от

них выиграли все. Программа же Е.Гайдара формировалась в условиях, когда союзный центр рухнул и политическая ответственность оказалась переложена на российские власти; теперь они вынуждены были действовать, предпринимать практические шаги по осуществлению антикризисной программы и, соответственно, взятая ими на вооружение концепция носила более практический, технократический характер[67].

Практически одновременно формировалась и принципиально иная модель, которую условно можно определить как “административную стабилизацию”. Вокруг нее сплачивались те социальные и экономические группы, которые в слишком быстром переходе к рынку видели угрозу стабильности своего экономического положения. Суть этого подхода состояла в остановке процессов политической демократизации или даже частичном повороте их вспять, повышении уровня управляемости в советском народном хозяйстве, наведении порядка (в том числе и макроэкономического). На этой основе предполагалось осуществлять меры по модернизации советской экономики. В известном смысле данный подход напоминал китайский (или вьетнамский) путь модернизации.

Важной особенностью названных программ была принципиальная готовность стоящих за ними политических групп взять на себя ответственность за их реализацию. Соответствующие политики, разумеется, осознавали опасность подобных действий для своей политической репутации. Однако понимание неизбежности выбора одной из альтернатив и наличие достаточно солидной социальной поддержки для каждой из них укрепляли позиции лидеров и побуждали их к более активным, наступательным действиям.

Первая попытка реализации более или менее последовательной антикризисной программы была предпринята в 1991 году с отставкой

---

[67] Типичным примером, характеризующим различие подходов обеих групп, является решение ими вопроса о соотношении приватизации и либерализации цен. Г.Явлинский предлагал начинать с приватизации, что соответствовало теории и должно было смягчить либерализационный шок. Е.Гайдар опирался на имевшийся мировой опыт, включая уже опыт ряда посткоммунистических стран, ни одной из которых не удавалось осуществить реформы “по теории”, и потому в качестве первого шага реформ им была предложена либерализация цен..

Н.Рыжкова и формированием Кабинета министров В.Павлова. Формально, в соответствии с поправками, внесенными в Конституцию СССР в декабре 1990 года, это был “президентский кабинет”, подотчетный непосредственно М.Горбачеву. Однако по своему политическому характеру это был наиболее независимый от Президента институт исполнительной власти, рассчитывавший прежде всего на поддержку консервативных сил во властных структурах и соответствующих социально-экономических группировок. М.Горбачев, после колебаний между разными политическими группировками, решил сделать ставку на консервативное (как ему представлялось, нереакционное) крыло в КПСС и советском руководстве, пойдя по пути “административной стабилизации”.

Сформированное в январе 1991 года новое правительство немедленно приступило к демонстрации своей силы и готовности к решительному наведению порядка, предприняв ряд достаточно бессмысленных, но политически громких шагов: от разгона демонстраций в Вильнюсе и Риге до обмена денежных купюр высокой номинации. Официально был провозглашен курс на поддержку военно-промышленных отраслей и вообще отечественного машиностроения с добавлением элементов ксенофобской риторики, вроде обвинений ряда западных банков в скупке советской валюты. За этим последовало давно ожидавшееся решение о повышении цен, которое при определенных условиях могло стать первым шагом к стабилизации товарного рынка. Законодателям был предложен ряд соответствующих законопроектов, предпологавших намерение следовать курсу на “регулируемое рыночное хозяйство”.

И, наконец, была предпринята попытка политической консолидации при помощи государственного переворота 19 августа 1991 года. Переворот, поддержанный довольно широким спектром политических сил (от коммунистов И.Полозкова до «либерал-демократов» В.Жириновского) происходил под лозунгами консолидации власти, стабильности и патриотизма при практически полном отсутствии у его лидеров социалистической или коммунистической риторики.

Поражение же августовского путча означало и поражение “административной стабилизации”. Между тем, экономическая ситуация все более обострялась. Единственной моделью, которая оставалась прак-

тически не опробованной и которая отвечала радикальным настроениям момента, была либерально рыночная. Она не была дискредитирована политически и опиралась на достаточно широкую политическую поддержку.

Опросы общественного мнения говорили в общем о готовности населения, уставшего от нерешительности и колебаний власти, воспринять радикальные шаги, нацеленные на нормализацию экономической ситуации. Правда, результаты опросов свидетельствовали о своеобразном, двусмысленном отношении к перспективам проводимого курса[68], но личная популярность Б.Ельцина становилась дополнительным фактором политической устойчивости программы радикальных либеральных реформ. В пользу этой программы свидетельствовал и опыт Польши, к тому времени уже в течение двух лет осуществлявших схожий комплекс мер.

На пятом Съезде народных депутатов РСФСР решение по докладу Б.Ельцина о предстоящей либеральной рыночной реформе было принято подавляющим большинством голосов. Тогда вряд ли кто-либо мог с точностью предсказать, как пойдет реформа, какие силы будут ей препятствовать и сколько времени она продлится. Но в конечном успехе у авторов реформы сомнения не было. *“Сейчас будет решаться, что за страной будет Россия в наступающие годы и десятилетия”* — заявил президент страны. И это пророчество оправдалось в полной мере.

[68] Мы имеем в виду проявившуюся у большинства опрошенных готовность пойти на временное ухудшение своего положения, а также сочетание поддержки частной собственности и рынка с одной стороны, с непринятием свободы цен — с другой.